

НИКОЛАЙ РАВИЛЬЕВИЧ СЛАВНИТСКИЙ

кандидат исторических наук, главный научный сотрудник,
Государственный музей истории Санкт-Петербурга
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

slavnitski@bk.ru

ССЫЛКА В ОЛОНЕЦКУЮ ГУБЕРНИЮ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (по материалам архива Министерства юстиции)

В статье на основе документальных материалов, сохранившихся в фонде Министерства юстиции, которые впервые вводятся в научный оборот, рассматриваются случаи высылки политических противников монархии в Олонецкую губернию в 1903–1904 годах. Цель исследования – проследить судьбы людей, оказавшихся в ссылке в этой губернии, а также выявить, каким образом они оказывались именно тут. До начала русско-японской войны отправление в эту губернию было нечастым явлением, а вот в 1904 году, когда северные области стали единственным местом ссылки, численность политически неблагонадежных в Олонецкой губернии стала увеличиваться. Кроме того, часть ссыльных, которые должны были отправиться в Сибирь, оказались, как отмечалось выше, в северных областях, в том числе и в Олонецкой губернии. В те годы в данной области оказались люди самых разных социальных групп, принадлежавшие к разным партиям. В этом плане Олонецкая губерния практически не отличалась от остальных областей, использовавшихся для политической ссылки. Среди тех, кто был отправлен в ссылку по докладам министерства юстиции, преобладали молодые люди (и были совсем юные). Это объясняется, наверное, тем, что отправление в Олонецкую губернию относилось к числу наиболее мягких наказаний, поэтому там оказывались те, кого считали примкнувшим к революционным группам «по глупости».

Ключевые слова: политическая ссылка, Олонецкая губерния, Петрозаводск

На рубеже XIX–XX веков высылка в Олонецкую губернию политических противников монархии не была распространенной. Тех, кого считали наиболее опасными, отправляли в Восточную Сибирь. Более мягким наказанием считалась высылка в Архангельскую или в Вятскую области, а наиболее легким – в Вологодскую губернию. Примерно так же воспринималась и высылка в Олонецкую губернию.

Сразу оговоримся – во всех случаях, о которых речь пойдет в данной работе, людей отправляли в ссылку «в административном порядке» (то есть внесудебном). Подобные дела решались императором по представлению министра юстиции, который получал от министерства внутренних дел материалы дознания и составлял доклад, где сообщал суть дела, а также писал свои предложения, какое наказание назначить каждому участнику дела. Император, как правило, утверждал доклад, после чего он принимал силу закона (это считалось «высочайшим повелением»). В таких случаях за человеком сохранялись все его сословные права, но место его проживания ограничивалось, а также за ним учреждался надзор полиции. Грубо говоря – человека просто обязывали переехать в другое место. Ехать полагалось за свой счет, но, если у ссыльного не было денег, он мог обратиться в полицию и отправиться в ссылку за казенный счет («по этапу») вместе с другими ссыльными.

Ограничения, безусловно, были, и в первую очередь они были связаны с надзором. По прибытии на место документы у ссыльных отбирались, и им выдавался вид на жительство, жить им полагалось в «определенном тому месте», при этом временные отлучки разрешались по уважительным причинам и при «одобрительном поведении поднадзорного». Разрешение на временную отлучку выдавали местный начальник полиции (в пределах уезда), губернатор (в пределах губернии) или министр внутренних дел (в случае выезда в другую губернию) [4: 98]. Полиция, естественно, имела право входа к таким людям в любое время и в любое время могла производить обыски. Они могли наблюдать «за действиями, поведением и местожительством поднадзорного, удостоверяться днем и ночью, находится ли он дома» [4: 97]. И в то же время на ссыльных накладывался ряд ограничений с точки зрения работы. Им запрещалась: всякая педагогическая деятельность, в том числе и обучение учеников ремеслам и искусству, чтение публичных лекций, участие в публичных заседаниях ученых обществ, выступления в публичных сценических представлениях, содержание типографий и библиотек, торговля книгами, а также содержание трактирных и питейных заведений. Врачебная или акушерская практика могла быть дозволена с разрешения министра внутренних дел. На практике это, правда, повсеместно нарушалось, и многие ссыльные ра-

ботали репетиторами, а также в земских учреждениях, особенно в статистических отделах. Те, кто не мог иметь собственных средств к существованию, могли получать пособие от казны (для дворян и представителей интеллигенции в те годы полагалось 6,50 рубля в месяц, для рабочих и крестьян – 3,50 рубля, но на практике суммы устанавливались разные). Однако пособия могли лишить в том случае, если считали, что поднадзорный уклоняется от занятий «по лености, дурному поведению или привычке к праздности» [2: 128]. Здесь все зависело от местного начальства. Но ссыльные вообще особо не рассчитывали на это пособие и старались найти работу. Собственно, прожить на это пособие (особенно рабочим и крестьянам) в северных городах было трудно – в первую очередь из-за высоких цен на квартиры (обыватели тогда подняли цены по причине наплыва ссыльных, а их становилось все больше, к тому же в те годы из-за русско-японской войны в Сибирь никого не ссылали), а также высоких цен на рыночные продукты¹. К дворянам при этом отношение было более снисходительным, им практически всегда назначалось пособие от казны [1: 57], да и местное общество их воспринимало как своих. К тому же и полицейские чины зачастую «держали в голове», что человек, принадлежащий к привилегированному сословию, в их городе находится временно и вскоре уедет в столицу.

Из упомянутых выше докладов министра юстиции первых лет XX столетия мы выделим тех людей, что были высланы в Олонецкую губернию в 1903–1904 годах. Это были как люди, входившие в те или иные группы, так и «одиночки», которые самостоятельно вели революционную пропаганду (или просто были заподозрены в таковой). Императору примерно раз в неделю представляли на утверждение список таких людей, в котором указывались их данные, кратко – суть дела и предложение министра юстиции, какое наказание к ним следует применить. Монарх утверждал весь список целиком.

Первым из «одиночек», отправленных в Олонецкую губернию, стал Степан Антонович Сессоров – 22-летний мещанин, окончивший курс сельскохозяйственного технического училища и работавший землемером во Владимирской губернии. Там он весной 1902 года

сблизился в целях пропаганды с ремесленниками, приглашал их в занимаемую им квартиру для конспиративных собеседований, во время коих излагал сущность социалистических учений и указывал на необходимость трудящемуся классу добиться улучшения своего положения путем устройства стачек и уличных демонстраций...

и вскоре был задержан полицией. Рассмотрев дело 2 июля 1903 года, решили выслать его в Олонецкую губернию сроком на три года².

В том же месяце в олонецкую ссылку отправился князь Вячеслав Александрович Кугушев (1863–1944) – довольно известный революционер, выпускник Лесного института в Санкт-Петербурге, впервые арестованный в 1884 году, а в 1888 году привлеченный к дознанию в связи с принадлежностью к обществу «Социал-демократ» (то есть к одной из первых социал-демократических организаций). Тогда ему было вменено в наказание предварительное заключение³, после чего он вернулся в Уфимскую губернию, где работал помощником лесничего. В 1901 году он стал плотно сотрудничать с социал-демократами, и именно в его имении был учрежден Уральский союз социал-демократов и социалистов-революционеров [3: 151] (на Урале эти две партии в то время выступали единым фронтом – в первую очередь по причине специфики хозяйственной жизни региона). Затем он попытался отправиться за границу, чтобы наладить связи с эмигрантами [3: 151], но, когда находился в Москве, его заподозрили «в политической неблагонадежности» и задержали, а при обыске обнаружили «тетрадь с запрещенными статьями и стихотворениями, несколько нелегальных листков»⁴. В ходе дознания пришли к выводу, что Вячеслав Александрович, «состоя членом Уфимской земской управы, он находился в сношениях с лицами политически неблагонадежными и оказывал им материальную поддержку»⁵. В докладе отмечается интересная деталь: по сообщению министра, В. А. Кугушев подал прошение об облегчении своей участи, «выражая раскаяние в своих заблуждениях»⁶ (как известно из его дальнейшей судьбы, ничего подобного не произошло, и на его положение в революционной среде это прошение никак не повлияло). Его роль в создании партии социал-демократов и социалистов-революционеров, по всей видимости, осталась следствию неизвестной (судя по обтекаемой формулировке, приведенной выше), и было решено выслать его в Олонецкую губернию сроком на 5 лет⁷.

23 июля 1903 года было утверждено дело, представленное министром юстиции, о деятельности «тайного сообщества», образовавшегося среди «интеллигентной молодежи города Москвы». Это были студенты, которые, по сути дела, решили пойти по стопам первых народников и занялись социалистической пропагандой («путем устных бесед и распространения произведений подпольной литературы») на московских заводах и фабриках. В состав этой группы входили: 21-летний потомственный почетный гражданин Владимир Александрович Алексеев (студент Московского университета), 21-летний дворянин Борис Борисович Веселовский (бывший студент Московского технического училища), 27-летний крестьянин Иван Егорович Кольцов (токарь) и 22-летний крестьянин Герасим Григорьевич Канкорин (литейщик). Судя по всему, двум сту-

дентам удалось наладить связи с рабочими, но развернуться у них не получилось. Поэтому и наказание было довольно мягким: всех перечисленных людей выслали в Олонецкую губернию сроком на три года⁸.

21 января 1904 года было утверждено отправление в Олонецкую губернию двух человек – 20-летний мещанки Р. Б. Левиной и 24-летнего крестьянина И. Е. Правдина. Первая из них работала портнихой, установила связи с партией «Бунд», в апреле 1903 года занималась «социалистической агитацией среди местного трудащегося населения» и призывала ремесленников принять участие в праздновании 1 мая. И. Е. Правдин, работавший плотником в Одессе, занимался практически тем же самым: 7 апреля разбросал по городу прокламации⁹.

А через несколько дней началась русско-японская война. И 30 января иркутский генерал-губернатор направил телеграмму в Главное тюремное управление с просьбой:

приостановить отправку из европейской России в пределы вверенной ему губернии административно-высылаемых за государственные преступления, так как военное ведомство, ввиду объявленной мобилизации, отказалось в назначении конвоиров для сопровождения политических арестантов, а Якутский тракт занят передвижением запасных воинских чинов¹⁰.

Аналогичная (по сути) бумага – о необходимости прекращения водворения поднадзорных в восточной Сибири – была направлена в министерство внутренних дел. Поэтому всех политически неблагонадежных лиц стали отправлять в северные губернии России. Естественно, при этом Олонецкая губерния стала более широко использоваться в качестве места для ссылки.

3 марта туда было решено отправить 26-летнего крестьянина Афанасия Семеновича Иванова, работавшего пекарем. Он весной 1903 года распространял в Одесском уезде «преступные издания»¹¹.

17 марта – 19-летнего мещанина Василия Дмитриевича Алферова («окончил 6 классов реального училища, дает уроки») и его ровесника, сына купца Николая Никитича Осипова («не окончил полного курса гимназии, определенных занятий не имеет»). Они вместе с 22-летним сыном священнослужителя А. А. Архангельским в 1902 году примкнули в Пензе к местному комитету партии социалистов-революционеров и занялись антиправительственной пропагандой среди сельского населения губернии¹².

Партия эсеров являлась продолжательницей дела народников, и агитация среди крестьян в ее программе занимала важное место. В Пензе партийная группа возникла еще в 1895 году (сторонами П. П. Крафта), просуществовала до 1898 года, а в 1901-м стала формироваться снова и в следующем году была преобразована в комитет¹³.

Именно тогда в этой губернии началась планомерная работа среди крестьянства, и упомянутые выше революционеры были среди первых, отправившихся «в народ» и оказавшихся в поле зрения полиции. Арестовать всех членов комитета ей не удалось, поэтому к марта 1904 года решили вопрос лишь с этой маленькой группой среди «одиночек».

7 апреля Олонецкая губерния была назначена местом ссылки 27-летнему крестьянину Петру Васильевичу Андрееву, работавшему литеющим. Он был задержан в апреле 1903 года в Сувалкской губернии (в Польше, на границе с Пруссией) вместе с Г. С. Финкельштейном при попытке тайно перейти границу, и при обыске у них было обнаружено «3400 запрещенных изданий»¹⁴. Его товарищ еще в 1901 году был арестован как один из руководителей антиправительственного кружка в Кишиневе и должен был быть выслан в Восточную Сибирь, но смог скрыться. Теперь ему «продлили срок надзора» и отправили в Архангельскую губернию (вместо Сибири)¹⁵.

28 апреля было подписано распоряжение об отправлении в Олонецкую губернию 22-летнего сына купца Хaima-Иосифа Рыбака и 23-летнего крестьянина Адама Викторовича Осецкого. Первый из них был студентом Киевского университета и входил в состав «союза объединенных землячеств», а второй работал переплетчиком. У него осенью 1902 года была обнаружена нелегальная литература, и в ходе дознания выяснилось, что получал он ее именно от Х.-И. Рыбака. В данном случае и того, и другого решили выслать в одну область¹⁶.

Тогда же было подписано распоряжение о подчинении надзора полиции в Олонецкой губернии 31-летней дворянке Антонине Александровне Мякотиной, работавшей учительницей и входившей в состав санкт-петербургской группы социалистов-революционеров. В конце 1902 года она «занималась социалистической пропагандой среди фабричного населения столицы, формировала тайные кружки и раздавала участникам таковых запрещенные брошюры и листки»¹⁷. В январе 1903 года ее арестовали, но раскрыть всю группу полиция не смогла, поэтому дело Антонины Александровны рассматривалось «в индивидуальном порядке».

Отметим, что за год до этого в ссылке оказался ее старший брат – известный историк Венедикт Александрович Мякотин, являвшийся преподавателем в Императорском Александровском лицее. В 1901 году он поддерживал столичных студентов во время их протестов, поэтому оказался на заметке у полиции, а когда у него произвели обыск (в служебном помещении), то обнаружили «свыше 100 недозволенных к обращению сочинений и рукописей нелегального характера». После этого его арестовали и в мае 1903

года отправили в ссылку в Новгородскую губернию¹⁸.

В том же месяце Олонецкую губернию стали назначать местом для ссылки и тех революционеров, которые входили в состав различных групп. Это бывало после каких-то действий групп рабочих – забастовок, акций солидарности, «беспорядков» и т. п. В частности, 15 июля 1903 года

рабочие паровозного депо на станции Шорапань, Закавказских железных дорог, самовольно прекратив занятия и вооружившись палками, направились на станцию Квирилы, где, соединившись со служащими в местных мастерских и образовав толпу около 200 человек, сплошной массой двинулись к Сакарскому казенному питомнику.

При этом они шли под красным флагом и призывали трудящихся «поддержать бакинских рабочих». Демонстранты были разогнаны полицией, и многие оказались арестованы. Тех, кого признали «зачинщиками», решили выслать в Архангельскую губернию (8 человек), а самого молодого из них – 19-летнего дворянина Николая Шатберова, работавшего слесарем, отправили в Олонецкую губернию¹⁹.

21 апреля к отправлению туда же был определен еще один одессит – 23-летний крестьянин Сергей Евтихеевич Прудков, работавший слесарем и застигнутый на сходке ремесленников в феврале 1903 года, в ходе которой обсуждались прокламации Одесского комитета российской социал-демократической рабочей партии²⁰.

И в тот же день было подписано распоряжение о высылке в Олонецкую губернию 22-летнего крестьянина Егора Андреевича Жирину – письмоводителя, входившего в состав группы, занимавшейся распространением революционной литературы в Пензенской губернии (отдельно от эсеров, о которых мы упоминали выше)²¹.

Спустя неделю рассматривалось дело о пропаганде в Лодзи, которую вели члены Польской социалистической партии среди рабочих фабрик и заводов (образовали среди них несколько тайных кружков, снабжали рабочих запрещенными сочинениями, призывали к борьбе с капиталистами и правительством). К дознанию было привлечено 13 человек, большинство из них решили отправить в Вологодскую губернию, руководителей (В. И. Славека, И. А. Цишевского и С. М. Козловского) выслали в Архангельскую, а два человека оказались в Олонецкой. Это были 22-летний крестьянин Антон Флорианович Цоннер (ткач) и 24-летний мещанин Людомир Михайлович Прясецкий (рабочий)²².

Летом того же года высылка в северные губернии практически прекратилась. Более того, пошла серия амнистий (первая была объявлена после рождения наследника престола, затем новый министр внутренних дел П. Д. Святополк-Мирский стал ходатайствовать о прощении – несовершен-

нолетних (то есть, лиц, не достигших 21-летнего возраста), а также тех, у кого сроки ссылки были небольшими). Поэтому некоторые из высланных в том же году были освобождены, другие поселились в различных городах Олонецкой губернии (к примеру, В. А. Кугушев бежал из ссылки в 1905 году [3: 152]).

Из документов о помиловании в 1905 году известно и о других людях, отбывавших ссылку в Олонецкой губернии. Крестьянин Адам Людвигович Козловский («католик, женат, имеет 7 детей, грамотный, земледелец»), по данным полиции, примкнул «к образовавшемуся в январе 1902 года в посаде Говоров Остроленского уезда тайному кружку, присвоившему себе наименование “Товарищество просвещения народа”, занимался противоправительственной пропагандой среди местного сельского населения...» и в июле 1903 года был отправлен в Олонецкую губернию под гласный надзор полиции сроком на 4 года. В 1904 году его по каким-то причинам освобождать не стали, и лишь в январе 1905 года, когда он подал прошение «об облегчении участия», ему разрешили вернуться домой²³.

В феврале 1905 года был помилован 37-летний крестьянин Семен Иванович Невежин («православный, женат, имеет 5 детей, грамотный, земледелец»), занимавшийся распространением запрещенной литературы в Таврической губернии и отправленный в Олонецкую под надзор полиции в апреле 1904 года²⁴.

В марте аналогичная мера была применена к 50-летнему крестьянину Василию Петровичу Зубрилову (что интересно, он являлся выходцем из дворянского сословия и учился ранее в Петровской сельскохозяйственной академии в Москве), тоже высланному в 1903 году за антиправительственную пропаганду²⁵. В упомянутых трех случаях речь шла о зрелых людях, крестьянах, которые, скорее всего, случайно оказались в антиправительственном движении.

Подводя итоги, сделаем еще одну оговорку. Перечисленные выше люди – это не все ссыльные, оказавшиеся в те годы в Олонецкой губернии. Высылкой «политических» занималось также министерство внутренних дел, и сведений о них в нашем распоряжении пока немного. Известно, к примеру, что в 1904 году в Пудож был выслан Н. И. Алякритский, обвинявшийся в связях с партией социалистов-революционеров²⁶. Кроме того, часть ссыльных, которым была назначена ссылка в Сибирь, оказалась, как отмечалось выше, в северных областях, в том числе и в Олонецкой губернии. Таковым, в частности, стал Михаил Иванович Калинин, высланный в феврале 1904 года в восточную часть Сибири²⁷, но оказавшийся в Олонецкой губернии, о чем свидетельствует надпись на наличнике в пересыльной избе в деревне Мяндусельга под Повенцом (этот наличник

хранится в Национальном музее Республики Карелия, выражая благодарность научному сотруднику М. Ю. Данкову за информацию о нем).

М. И. Калинин стал впоследствии наиболее известным из ссыльных, оказавшихся в те годы в Олонецкой губернии. С 1919 года он возглавлял ВЦИК, с 1922 года – ЦИК СССР, с 1938 года – председатель Президиума Верховного совета, то есть являлся главой государства. Значительный вклад в победу революционных движений и становление советской власти сыграл и В. А. Кугушев. После побега из ссылки он стал членом партии конституционных демократов, причем в 1906 году был избран членом Государственного совета, являлся одним из руководителей местных организаций партии в Самаре и Уфе. Но в годы Гражданской войны вернулся в состав партии большевиков, работал в комитетах помощи голодающим, а в 1920-е годы – в банке.

Профессиональным революционером после ссылки осталась А. А. Мякотина. Вернувшись в Санкт-Петербург, она снова включилась в работу партии эсеров, находилась на нелегальном положении и лишь в 1920-е годы отошла от политической деятельности, до 1937 года (когда была репрессирована – расстреляна по приговору «тройки») работала библиотекарем в Ленинграде.

Б. Б. Веселовский после того, как отбыл ссылку, занялся научной и преподавательской деятельностью, написал ряд работ об истории земских учреждений, после революции 1917 года работал в Центроархиве и Госплане СССР, продолжая при этом преподавательскую деятельность. Судьбы других людей, побывавших в ссылке в Олонецкой губернии, к сожалению, неизвестна, по крайней мере, пока.

Среди тех, кто был отправлен в ссылку по докладам министерства юстиции, преобладали молодые люди (были и совсем юные). Это объясняется, наверное, тем, что отправление в Олонецкую губернию относилось к числу наиболее мягких наказаний, поэтому там оказывались те, кого считали примкнувшим к революционным группам «по глупости». Вполне вероятно, что кто-то из них после ссылки действительно отошел от антиправительственной и революционной деятельности.

В то же время в олонецкой ссылке оказались представители самых разных социальных групп: дворяне, почетные граждане, мещане, крестьяне (отметим, что все они были грамотными), принадлежавшие к разным партиям (преимущественно социалистического направления). В этом плане Олонецкая губерния практически не отличалась от остальных областей, использовавшихся для политической ссылки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ильинский М. В. Архангельская ссылка. СПб., 1906. С. 38.
- ² РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 454. Л. 430–431.
- ³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 455. Л. 367.
- ⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 455. Л. 368.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. Л. 369.
- ⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 455. Л. 512–514.
- ⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 457. Л. 59, 62.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 457. Л. 131.
- ¹¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 457. Л. 200.
- ¹² РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 457. Л. 213–214.
- ¹³ Спиридович А. И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1916. С. 64, 76.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 457. Л. 305–306.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 457. Л. 390.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 457. Л. 391.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 455. Л. 75.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 457. Л. 249–250.
- ²⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 457. Л. 328–329.
- ²¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 457. Л. 334.
- ²² РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 457. Л. 359–364.
- ²³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 459. Л. 25.
- ²⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 459. Л. 29–30.
- ²⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 459. Л. 80.
- ²⁶ Нарбеков Н. Н. И. Алякритский // Каторга и ссылка. 1931. № 6. С. 203.
- ²⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 457. Л. 109.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Калинина Д. А. Трудовая деятельность как элемент повседневной жизни административных политических ссыльных в конце XIX – начале XX в. (на материалах Вятской губернии) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 117. С. 56–62.
2. Логачева-Пилецкая М. Архангельская ссылка и побеги в 1900-х годах // Каторга и ссылка. 1930. № 7. С. 126–137.

-
3. Писаренко Э. Е. Кадет князь В. А. Кугушев // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 150–156.
  4. Токарева С. Н. Полицейский надзор в Российской империи // Вопросы истории. 2009. № 6. С. 94–104.
-

Slavnitsky N. R., State Museum of History of St. Petersburg
(St. Petersburg, Russian Federation)

**THE EXILE TO OLONETS PROVINCE ON THE EVE OF THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION
(ON THE ARCHIVE MATERIALS OF THE MINISTRY OF JUSTICE)**

On the basis of documentary materials preserved in the funds of the Ministry of Justice, cases of the expulsion of the monarchy's political opponents to Olonets Province in 1903–1904 are considered. The archive materials are introduced into the scientific circulation for the first time. The purpose of the study is to trace the fate of people exiled to this province and to reveal the reasons of their expulsion. Before the beginning of the Russo-Japanese War, the deportation to this province was an infrequent phenomenon, but in 1904, when the northern regions became the only place of the exile, the number of politically unreliable people in Olonets Province began to increase. In addition, part of the exiled, who were supposed to go to Siberia, were sent into the northern regions, including Olonets Province. People from different social groups and of different political persuasions were brought into the region. In this respect the province did not very much differ from other areas used for the political exile. Young (and very young) people predominated among those who were exiled on the reports of the Ministry of Justice. This is probably explained by the fact that the exile to Olonets Province was one of the most gentle punishments. Therefore, those who joined revolutionary groups "out of stupidity" happened to be among the exiled.

Key words: political exile, Olonets province, Petrozavodsk

REFERENCES

1. Kalinina D. A. Labour as a part of everyday life of the politically exiled in the late XIX – early XX centuries (Vyatka province). *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsenya*. 2009. No 117. P. 56–62. (In Russ.)
2. Logacheva-Piletskaya M. Arkhangelsk exiles and forces labor camps in the 1900s. *Katorga i ssylka*. 1930. No 7. P. 126–137. (In Russ.)
3. Pisarenko E. E. Cadet Prince V. A. Kugushev. *Voprosy istorii*. 1997. No 2. P. 150–156. (In Russ.)
4. Tokareva S. N. Police surveillance in the Russian Empire. *Voprosy istorii*. 2009. No 6. P. 94–104. (In Russ.)

Поступила в редакцию 02.05.2017